

Секция

«Гражданские активисты - кто они и с чем их едят: как инициативное бюджетирование меняет формат взаимоотношений общества и власти»

Модератор Вагин Владимир: Добрый день. Ровно 12:30, предлагаю вам начать нашу работу. Более того, считаю своей главной обязанностью безусловно выполнять регламент нашего мероприятия. Представлюсь, меня зовут Вагин Владимир Владимирович, я руководитель центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России, я модератор сегодняшней секции. Мы вместе с Натальей Галкиной занимались тем, что собирали все, докладчиков, для нас это премьера нашей темы на Грушинской конференции. Действительно, мы очень долго выступали на разного рода конференциях, экономических очень многих, но на социологической конференции наша тема присутствует впервые, и для нас это очень важный шаг. Шаг по пути того, чтобы тема инициативного бюджетирования от финансового смысла, от изучения инициативного бюджетирования как финансовый инструмент, все больше и больше переходила в сторону изучения деятельности граждан, активных граждан, инициативных граждан, их участия в инициативном бюджетировании, как социальное явление. Вот об этом мы сегодня поговорим, мне бы хотелось начать... Я не буду тратить время на то, чтобы вначале представить каждого, перед выступлением я несколько слов про каждого докладчика скажу.

Итак, несколько слов по поводу того, что такое инициативное бюджетирование. Я вижу, что большая часть аудитории – это люди, которых я не видел раньше на наших мероприятиях, поэтому понимаю, что для многих тема инициативного бюджетирования является еще довольно диковинной, загадочной. Что это за зверь такой, что это за люди, социальные активисты, которые принимают участие в инициативном бюджетировании? Поэтому позвольте мне коротко обозначить основные пункты того, что же это такое.

Вы видите те образы, те логотипы информационных компаний инициативного бюджетирования в разных российских регионах. Должен вам сказать, что есть целый ряд регионов, в которых об инициативном бюджетировании, о проектах, которые ими реализуются, знает больше половины населения региона. Это Ставропольский край, это Кировская область, первые регионы, в которых инициативное бюджетирование началось. И там идет очень интенсивно информационная кампания с рассказом, что это такое. В Москве такой информационной кампании нет, Москва не участвует в инициативном

бюджетировании, хотя город Санкт-Петербург, проект «Твой бюджет» уже 3 года реализует график инициативного бюджетирования, у нас сегодня тоже об этом расскажут. Я не просто так хочу показать эти картинки, чтобы вы понимали, что есть действительно регионы, в которых много есть уже информации об этом.

Цифры по поводу инициативного бюджетирования. По данным мониторинга, который мы проводим по заказу Минфина ежегодно, в начале прошлого года в России насчитывалось 112 разных региональных практик бюджетных решений, из них 38 практик – практики инициативного бюджетирования в 33 субъектах Российской Федерации. Причем мы сознательно пошли по пути отделения того, что мы считаем инициативным бюджетированием от общего количества практик участия граждан в бюджетных решениях. В том же году в Российской Федерации было реализовано почти 16 тысяч проектов при общей стоимости этих проектов около 15 миллиардов рублей. Очень важно, я обращаю ваше внимание на это, что стоимость софинансирования гражданами организаций превысила 1 миллиард рублей.

Можно говорить о том, что сегодня инициативное бюджетирование в нашей стране приняло необратимый характер. Мы очень рады приветствовать представителя Государственной думы у нас на секции. Замечательный круглый стол, который состоялся в декабре в Государственной думе, до этого мы собирались в Совете Федерации, даже рабочая группа существовала в Совете Федерации по разработке законодательства, правовых основ инициативного бюджетирования. И вот этот интерес, интерес со стороны Конгресса муниципальных образований говорит о том, что сегодня инициативное бюджетирование, как инструмент, находит все больше и больше сторонников, и желание использовать его в разных предметных отраслевых средах и, в первую очередь, в деятельности органов местного самоуправления и вообще в тематике местного самоуправления и территориального общественного самоуправления.

Важно отметить также, наряду с тем, что это явление, которое так масштабно в нашей стране, нигде в мире оно не имеет такой именно особенности, как оно развивается у нас. Мы этот процесс начинали с федерального уровня, мы уже 3 года вместе с Всемирным банком занимаемся созданием институциональной инфраструктуры инициативного бюджетирования в регионах. Существует 16 проектных центров, и здесь сегодня есть представители этих проектных центров. Мы об этой деятельности расскажем. Таким образом, сегодня в России это явление имеет беспрецедентный характер, и уже не только для России, но уже можно говорить и о том, что оно, в общем-то, уникально в мире.

Несколько важных черт, на которые я бы хотел обратить ваше внимание. Дело в том, что вот то разнообразие практик, о которых я уже упомянул, закономерно ставит вопрос:

почему эти практики не объединить? Почему мы решили пойти по пути создания такого зонтичного бренда, который называется «инициативное бюджетирование» и что, собственно говоря, объединяет столь разные практики? Иногда мы используем, с прошлого года я об этом стал говорить постоянно, термин «процедурный канон инициативного бюджетирования». Это те черты инициативного бюджетирования, которые есть во всех практиках, безотносительно того, как бы они не назывались, поскольку постольку они относятся к инициативному бюджетированию.

Первое – это участие граждан в выдвижении проекта, обязательность участия и выдвижения именно граждан. Второе – участие граждан в обсуждении проектов, именно граждане обсуждают и решают, какой проект от поселения может быть выдвинут дальше. Третье – это участие граждан в выборе на основе конкурсного отбора. Да, конкурсный отбор проводят граждане, с их участием это происходит. Граждане участвуют в реализации проектов, в Российской Федерации это одна из особенностей инициативного бюджетирования. Нигде в мире граждане не участвуют в реализации. В нашем случае, у нас реализация происходит и за счет трудового участия, и за счет софинансирования и еще за счет много чего. Ну и общественный контроль, который является естественной принадлежностью инициативного бюджетирования. Граждане хотят понимать, как проекты, которые они выдвинули, реализуются, насколько качественно и насколько они действительно выражают те намерения, которые у граждан были изначально. При безусловно публичном, открытом характере мероприятия.

Я оставляю себе немного времени на завершение, поскольку мне хотелось бы, чтобы эта вводная часть оставила у вас некое представление о том, чем мы занимаемся. А сегодня у нас будет возможность с очень разных сторон посмотреть на это явление, и мне бы хотелось в завершение уже сказать несколько слов по поводу того, почему так важно для инициативного бюджетирования сегодня понимание тех основ, которые лежат в социальной инженерии. Почему сегодня по праву нашу деятельность можно называть социальной инженерией, мы этим сегодня занимаемся ежедневно... И я хотел бы предоставить слово второму программному директору, научному сотруднику Центра инициативного бюджетирования, Наталье Галкиной, с первым выступлением. Наталья, пожалуйста, вам слово.

Галкина Наталья: Спасибо. Я социолог, я очень рада, что наконец-то на конференции. На этой конференции согласились на наше предложение, и мы очень хорошо легли на тему социальной инженерии. Мне кажется, что, действительно, то, чем занимаемся мы, как-то близко к социальной инженерии. Я оказываюсь в той позиции, когда я и должна изучать, и хотела бы это делать, этому способствовать. Но, тем не менее, нужно понимать,

что изучать и как изучать, мы находимся в процессе, мы находимся здесь рядом, на запуске. Мы можем не только изучать, как сторонние наблюдатели, мы можем смотреть, делать, изучать и запускать дальше, можем способствовать созданию нормативной документации. Мы можем помогать. Очень много чего можем мы, социологи. Мне кажется, что мы должны быть прямо задействованы в процессе. Поэтому тема доклада – острые вопросы и вызовы для исследователя. Напомню, о чем говорил Владимир Владимирович, что у нас есть по итогам мониторинга за 2017 год, которые действительно говорят, что у нас происходит, у нас было тогда 112 практик, сейчас гораздо больше. Задействованы субсидии федеральные, субъектовые, муниципальные, это вот данные на основе мониторинга Минфина.

Что сейчас делается? Это не социология, это просто какого-то рода исследования, которые позволяют нам понимать, что происходит, как происходит, какую-то минимальную информацию. Минфин федеральный рассылает анкеты по Минфину субъектов, и мы собираем данные о том, сколько денег вложено, сколько собрано, сколько проектов, какие типы проектов. Есть ли проектные центры, как идет сопровождение этих практик, коммуникации, сколько благополучателей, кто их считает. То есть, какую-то стартовую информацию собираем. Пытаемся оценить, насколько то, что рассказывают о себе субъекты, соответствует понятию инициативного бюджетирования, насколько задействовано население в том объеме, в котором оно должно быть задействовано, соответственно, делаем оценку.

По результатам этого мониторинга мы понимаем, что далеко не все то, что регионы называют инициативным бюджетированием, на самом деле этим и является. Мы выполняем здесь такую роль эксперта. Оцениваем качество сопровождения практик инициативного бюджетирования со стороны властей. Фактически. Информацию эту можно найти в докладе, который готовит наш центр по лучшим практикам. У нас есть базы, но, к сожалению, большой минус в том, что эта информация закрыта для исследователей для всех. Наверное, она будет открыта, но пока что это только такие задумки. Наверное, она должна быть больше проработана, сопровождена. В общем, она несколько закрыта.

В принципе, в социологии еще есть то, что делают на местах регионы. Поскольку регионы, участвующие в проектах, заинтересованы в том, чтобы получать баллы, выигрывать. И, социологические исследования, как они понимаются на местах, они дают дополнительные конкурсные баллы. Поэтому запускаются опросы, вот, вы видите цифры: 36 тысяч анкет, 15 тысяч анкет, 26 тысяч анкет. Но нельзя сказать, что это социология. Она называется социологией, но это влияет на опросы людей, эти анкеты отображаются

на сайтах, в платежках ЖКХ, как-то еще собираются данные. Это не методологично абсолютно. Но некий начальный срез, некая начальная проба пера, она есть. Это краткие опросы, без методики, своими силами выполняют организаторы проектов. И это понимает понять на первом этапе проблемы, которые волнуют людей, что вообще должно выходить потом, подниматься дальше, выше, работать. Помогает получить дополнительные баллы, это я уже сказала. Но это не та социология, которую понимаем мы, социологи, что это должно быть, что это объективно, что это как-то результативно для населения.

В 2018 году нам удалось запустить два всероссийских опроса, было опрошено порядка 1800 человек. Это были опросы уличные, на планшетах, с нормальной методикой. Там задавались вопросы о готовности граждан участвовать в подобных проектах, об их уровне знаний. Вопросы не касались собственно бюджетирования, они касались уровня знаний людей и их готовности в этом принимать участие. Неплохие результаты, к сожалению, динамика за год не сдвинулась, но она хотя бы не отрицательная, не негативная.

Что мы делаем дальше? Дальше мы должны как-то планировать нашу деятельность. И, наверное, самое главное – это начать практические вещи, практические исследования. То, что нам сейчас кажется основным, полезным, важным – это изучение муниципальных практик, понятия, как люди видят муниципальные практики городские. Дело в том, что инициативное бюджетирование сейчас, в основном, это то, что идет по сельской местности. С городами сложнее гораздо, по населению, по сбору информации, другие способы там должны быть голосования, отбора проектов, поддержки, коммуникации. Там правки должны иметь другое содержание. Но чтобы понять, какое содержание, как их создать, как им помочь где-то перестроиться, улучшиться... Мы в этом году запускаем поисковые исследования для разработки механизмов для проектов городской среды. Мы решили работать с тремя регионами: Ставрополь – это город, регион, где уже есть истории с инициативным бюджетированием, там есть, на что посмотреть, как оно работает, куда им хочется двигаться, почему оно не взлетает. Ижевск и Сургут – это те города – мы специально отбирали города не такие крупные – где только начинается процесс. В Удмуртии процесс пойдет активно, но Ижевск специфический. На что они пойдут, на что не пойдут, что они оценят своими глазами. Поймем специфику, отличие от села, поймем лучше механизмы защиты проектов перед горожанами и поймем то, как нам отстраивать лучше всего механизм отбора проектов. Вот это вот задачи. По итогам этого будем писать рекомендации для разработки нормативной документации. Вот, в одном флаконе: мы исследуем, мы же и делаем. Судя по выступлениям коллег в предыдущих секциях, все-таки такой подход работает, когда не только заказывают сторонние организации, но и когда делают сами для себя, лучше понимают свой язык. Понимают, что сначала нужно

поговорить обо всех тематиках, сначала нужно объяснить полностью для чего, как это делается.

Следующее. Экспертная панель. Мы работаем с экспертами так: эксперты – это наши гости, кровь в жилах, наше топливо, движущий процесс. Есть традиционные экспертные панели, которые позволяют быстро собирать информацию, это инклюзивные поля, это короткие опросы, но это уровень экспертности высокий. Существует же еще и уровень низовых экспертов, то, что называется краудсорсингом. Для нас это гражданские активисты. Они в процессе работы над проектами становятся экспертами предпринимателями. Она просто выращивает экспертов. Мы получим общение людей между собой, мы получим тестирование проектных идей, подходов к решению, это необходимо. Мы получим очень быстрый доступ к целевой аудитории. Есть вопросы к платформе, как создавать, на чем создавать. Есть вопросы по поддержанию панели, и понимание, что мы не должны ни в коем случае экспертов, гражданских активистов, путать с муниципалами.

У нас будет аудит практик, это не совсем социология, но близко к ней. Понимание, как оно происходит, как качество коммуникации, насколько практика эффективна, насколько вовлечены граждане. Ну и социология, это хотя бы понимание, как потом социологию эту строить в дальнейшем.

Темы, которые остаются на будущее, которые явно мы будем поднимать, я надеюсь. Если начинать снизу-вверх, то восприятие эффективности бюджетных расходов – тема важная, нужная, интересная. Это бюджетная грамотность, без которой нельзя жить тем, кто в проектах участвует. Гражданская активность – это, в целом, проблема, как ее поднимать, как ей жить. Механизмы институализации практик и поддержание их устойчивого воспроизведения. Гражданская активность есть, но в проектных центрах она на них живет.

Модератор: Наташа, есть последняя возможность, резюмируя, сказать об острых проблемах, которые еще остались не высказанными. Буквально за полминуты.

Галкина Наталья: Самое острое, на самом деле, то, что в действительности, на мой взгляд, есть большой запрос и большие потребности прохождения практики. И я понимаю, что мы все равно не можем это просто использовать. У нас нет онлайн-платформ для отбора идей, то, что реализует сейчас ВЦИОМ по Дальнему Востоку, то есть, то, что может хорошо работать на уровне федеральном, пока не реализовано у нас.

Модератор: Ну, теперь уже и полминуты истекли. Спасибо большое, давайте Наташу поблагодарим. Прежде, чем перейдем к вопросам, хочу сделать одно пояснение, касающееся... Меня очень неприятно поразил значок запрета, насчет информации. Так вот, пояснение важное: никто эту информацию не собирается закрывать, и у нашего

Минфина нет желания чего-то скрывать в нашем опросе. Эта закрытость объясняется, скорее, нашими недочетами. Мы еще сегодня не готовы ту методологию, которую мы положили в основу мониторинга, саму процедуру мониторинга открыть, потому что она еще очень сырая, процедура сбора информации безумно сложная. То есть, мы еще не выстроили этот мониторинг так, чтобы им можно было пользоваться любому исследователю. Когда это произойдет, мы безусловно заинтересованы в том, чтобы как можно больше исследователей анализировало данные мониторинга, потому как это наш общий фонд для понимания того, как вызывается инициативное бюджетирование в субъектах Российской Федерации. Пожалуйста, вопросы Наталье Галкиной.

Романович Илья: Илья Романович, Экспертный институт социальных исследований. У меня вопрос, в первую очередь, по понятийному аппарату. Как вы отделяете практики инициативного бюджетирования от какого-то краудфандинга, краудсорсинга, гражданского активизма, какого-то финансового участия граждан в проектах? И, соответственно, тоже у меня вопрос по отношению... Я, волею судеб, изучал вопрос инициативного бюджетирования в Германии, и там считается, что все то, что не находится на уровне практики района или целого района, их в принципе нельзя относить к инициативному бюджетированию. Это совершенно четко зафиксировано во всей научной литературе и так далее. Я немножко тоже ознакомился с сайтом, и увидел, к примеру, такие проекты в духе «В каком-то селе жители собрали деньги на мост», и это считается практикой инициативного бюджетирования. Насколько это верно, какие-то критерии можете обозначить?

Модератор: Давайте я, наверное, отвечу на этот вопрос. Я бы с удовольствием потратил на него больше времени, чем у нас есть в рамках сегодняшней секции, так как он очень непростой, но на трех принципиальных вещах я все-таки остановлюсь. Первое – во всем мире то, что мы называем инициативным бюджетированием, известно, как партиципаторное бюджетирование. Это термин, который в мире используется уже достаточно давно. «Инициативное бюджетирование» - это российское понятие, которое включает в себя разнообразие практик, в которых есть тот канон, о котором я сказал, я повторять его еще раз не буду. То есть, вот те практики, в которых в такой форме участие обеспечено, мы называем инициативным бюджетированием. Они могут называться и назывались исторически программой поддержки местных инициатив, первая программа, появившаяся в России в 2007 году, развиваемая до сих пор Всемирным банком и уже без него отдельными регионами. У нас есть программа, которая называется партиципаторное бюджетирование, которую развивает Европейский университет в Санкт-Петербурге. Особенная практика, сильно отличающаяся от известных во всем мире практик. У нас есть

программы, которыми занимаются в Башкирии сегодня научные проектные центры, и там есть много других названий, в которых слово «партиципаторный» не присутствует. В чем принципиальное отличие инициативного бюджетирования российского от партиципаторного бюджетирования в мире? Там идет процесс, вы абсолютно правы, идет процесс со стороны муниципалитетов. Везде муниципалитеты являются инициаторами появления такого рода проектов, и на деньги муниципалитетов это и происходит. В нашем случае большинство денег на инициативное бюджетирование выделяют региональные бюджеты. До 70% средств на инициативное бюджетирование – региональные бюджеты. Сегодня появляются уже федеральные деньги в целом ряде субъектов, и я уже говорил, что где-то порядка 15% по России – это софинансирование граждан и юридических лиц. Таким образом, у нас действительно есть существенные особенности в том, что мы называем инициативным бюджетированием. Я не буду говорить о причинах этого, с одной стороны, они лежат на поверхности и очевидны, потому что у нас очень своеобразное местное самоуправление. Оно, очевидно, развивается совершенно по-другому, нежели это предписано европейской хартией местного самоуправления. И когда оно у нас будет развиваться по той манере, которую мы унаследовали из Европы, никому не известно, но, быть может, отчасти из-за этого, отчасти из-за того, что особенности нашей страны таковы. Участие граждан на местном поселенческом уровне в решении вопросов, которые их волнуют, за счет средств регионального бюджета, получило такую экстенсивную поддержку в целом ряде субъектов федерации. Это в самом общем виде, чтобы не углубляться в детали. Хотя деталей есть очень много, если это вас интересует глубже, я готов вам после мероприятия или отдельно все объяснить.

Реплика из зала: Если анализировать опыты инициативного бюджетирования по России, можно ли сейчас говорить о том, что у нас население в полной мере является субъектом инициативного бюджетирования? Если это не так, то когда у нас перспектива эта наступает, и не используется ли то, о чем говорил Владимир Владимирович, что на основную часть бюджетных средств на инициативное бюджетирование – это бюджеты регионов используется механизм давления в процессе инициативного бюджетирования? Навязывание своих условий.

Галкина Наталья: Население является полноценным субъектом. Наверное, давление к реализации интересов субъектов может быть, но это не давление на регионы. И какие-то практики более открыты, более прозрачны, какие-то мы относим к смежным. Но субъектом оно является, и задачи его развития в том, чтобы оно было именно сильным субъектом, становилось все более сильным.

Модератор: У меня знаете какое предложение? Это вопрос не к одной Наташе, это вопрос ко всем практикам, которые сегодня реализуются. Если вы не возражаете, я бы предложил экспертам в своих выступлениях коснуться этого вопроса, потому что он очень важен. В каждом выступлении затронуть вопрос, как в той или иной практике присутствует участие граждан, осознается ли это как проблема.

Реплика из зала: В общем-то, вопрос предполагал не это. Не на определенных этапах инициативного бюджетирования, не подменяйте...

Модератор: Мы понимаем подтекст вашего вопроса, не волнуйтесь. Мы сразу его услышали. Именно поэтому я предлагаю каждому об этом сказать.

Щукина Нина: Щукина Нина Петровна, профессор Самарского медицинского университета, с 2009 года являюсь общественным экспертом по региональному бюджету. У меня вопрос-предложение: вы наверняка в курсе, что при региональных Минфинах есть группы внешних экспертов, и мы ежегодно, неоднократно участвуем в экспертизе регионального бюджета, пишем заключения и даже гранты выигрываем на издание маленьких брошюр по бюджетному процессу. Вот этих низовых экспертов вы учитываете как-то? Вы сказали, есть низовые, для вас кто они?

Галкина Наталья: Еще ниже, спасибо за вопрос. Вы – эксперт того высокого уровня, который должен быть в экспертной панели, являетесь ими, а я говорила про низовых, которые гражданские активисты, я их называла экспертами еще ниже.

Щукина Нина: Вот как планируете вы взаимодействие с этим институтом общественным?

Модератор: У меня есть ответ на ваш вопрос. Действительно, это совершенно замечательная группа людей, которая занимается и знает хорошо общественные финансы на региональном уровне. У нас был очень хороший в Оренбурге кейс, когда пришел человек, который возглавляет общественный совет при Минфине, и он, в общем-то, такими же словами примерно об этом говорил. Нам бы очень хотелось, чтобы все те люди, которые в общественных советах при Минфине работают, стали частью нашего актива в регионе, но актива, я имею в виду, не с точки зрения руководителей вот конкретных проектов низовых, а с точки зрения экспертного сопровождения, продвижения и информирования граждан об этом всем. Потому что действительно, наш механизм достаточно сложен для понимания даже подготовленного человека, требует некоторых усилий понимание того, как этот инструмент работает. И в этом смысле вы, конечно, как эксперты в регионе, первые люди, которые могут об этом рассказать. И мы в этом очень заинтересованы.

Реплика из зала: У меня вопрос относительно населения как субъекта. На самом деле, это не совсем точно. Население, точнее, гражданские активисты, включается инициативная команда, они являются актерами. В чем отличие субъекта от актора? Субъект – это тот, кто принимает решение поучаствовать в проекте и несет ответственность, имеет полномочия. Население, на самом деле, участвует, так скажем, в качестве референтной группы. То есть, я бы не стал говорить, что население является субъектом.

Модератор: Спасибо. Я предлагаю перейти к следующему докладу - это Эльдар Расихович Нуртдинов, руководитель Центра изучения гражданских инициатив Института стратегических исследований Республики Башкортостан, руководитель проектного центра в Башкортостане. «Роль консультанта в работе механизма поддержки гражданских инициатив». Пожалуйста, Эльдар.

Нуртдинов Эльдар: Спасибо. Добрый день, уважаемые коллеги. На самом деле, на эту тему можно говорить очень долго и много, и я попробую описать, чем занимается консультант, через описание его аффекта консультирования, через одного из них. Например, у нас есть такая роль как куратор в районе, который отмечает все то, что происходит в районе. То есть, у нас несколько процессов происходит, кроме процессов инициирования проектов гражданами, населением, происходит еще множество процессов, связанных с документацией, деньгами, выбором подрядчиков и так далее. Вся эта тяжелая история ложится на плечи участников, в основном, это муниципалитет. Понятно, что, если у нас участники – главы сельских поселений, администрация, в одиночку они весь этот процесс тянуть не могут, им помогают специалисты из районного центра. Я на примере сельских поселений, потому что в городах немножко другая история.

Мы посмотрим на основную, наверное, роль консультанта – организационно-управленческую. То есть, когда консультант должен помогать, следить за всеми процессами, которые происходят и оказывать, скажем так, сервисные услуги для муниципалитета. Одна из наших задач, которую мы хотели выполнить и, кажется, у нас получилось это – создать некий сервис для муниципалитета. То есть, муниципалитет может обратиться в центр, и там будут отношения на равных, партнерские взаимоотношения и совместный поиск решений трудных задач, которые перед ними стоят.

Какие процессы консультируются? Все начинается с момента собрания граждан. Это непростое мероприятие, если нет опыта проведения подобных мероприятий, происходит множество различных ситуаций. Если инициативное бюджетирование делается в регионе в первый раз, то собрание не всегда гладко проходит, потому что с ними со времен

Советского союза никто не собирался и не общался. И за последние двадцать лет у жителей накопилось достаточно много вопросов. И первое время, когда консультант сопровождает этот процесс, приходится отвечать на различные вопросы. Все эти моменты психологического характера приходится отрабатывать консультанту. Но затем, в последующие годы, работа по организации собраний граждан становится легче, потому что есть позитивный опыт. Если есть позитивный опыт не в конкретном населенном пункте, то он есть у соседей, и молва, в общем-то, распространяется.

Уже сразу есть разница, когда глава сельского поселения проводит собрание в первый раз, когда он дрожит, потеет, не может ничего сказать, и второй раз, когда он уже выполнил проект, он, в общем-то, такой герой национальный местного уровня, потому что реализовал проект.

Следующий процесс, который необходимо сопровождать обязательно – это документация. Нужно понимать, что процесс довольно ответственный, потому что происходит распределение бюджетных средств, и есть некоторые нюансы. Это целевые средства, которые выделили определенным образом, которые подотчетные, подконтрольные и так далее. Здесь движение денег нужно учитывать, контролировать, правильно ли составлена различная документация, правильно ли составлены остальные документы, есть ли экспертиза и так далее. То есть, эти цифры сходятся, не сходятся, нужно понимать, что когда помощник малого сельского поселения составляет заявку, эти люди могут в реквизитах собственных ошибиться в трех местах и так далее. То есть, это требует некоторой скрупулезности, потому что потом возникают вопросы.

Следующее, когда с документами все в порядке, процесс мониторинга реализации самого проекта, тоже довольно-таки важный момент. Здесь уже и у консультанта, и у местного самоуправления, в общем-то, у них возможностей чуть меньше, потому что все остальное регулируется, как известно, федеральным законом, муниципальным контрактом, все в рамках этого и происходит. Но здесь один из эффектов совершенно замечательных – это общественный контроль, потому что, когда происходит это софинансирование, даже если просто символичное, отношение к объекту меняется кардинально. То есть, одно дело, если в какой-то день приехала техника, сделала ремонт дороги, и никто даже не заметил. Другое дело, когда всем селом мы в этом деле участвовали.

Поэтому я бы хотел выделить основную роль консультанта – это помощь в позиционно-управленческом аспекте. Мы изначально, когда проектировали, создавали центр, когда думали, каким образом будем строить, взяли за основу именно менеджмент и именно управленческую схему инициативного бюджетирования, сделали на это ставку. Как

показала практика, сделали правильно, потому что весь процесс сейчас работает хорошо. Сейчас процесс сопровождения минимальный. Вот сейчас у нас в республике зарегистрировано в системе 990, что ли, заявок, и мы уже не настолько загружены, может быть, на семинарах, не сидим на телефоне, не разбираемся с ситуацией. Все уже прекрасно знают, как что будет происходить. И, в общем-то, это здорово, это говорит о том, что мы можем на тех же рельсах организационно-управленческих проектировать, создавать новые проекты, двигаться дальше. Мы можем считать, что проект, в принципе, внедрен, и нам, как исследователям, проектировщикам, можно двигаться дальше.

Итак, с точки зрения управленческой системы, инициативное бюджетирование мы делим на четыре уровня: первый – это региональный уровень, требует отдельной специализированной работы с региональными органами власти, там свои процессы происходят, второй – это районный уровень, муниципальный, третий – поселенческий. Третий уровень требует отдельных процессов, хотя они включены в один большой процесс, но граждане, население я не осмелюсь назвать уровнем, тут идет отдельная работа сплошная. На этом все.

Модератор: Спасибо. Пожалуйста, вопросы к Эльдару.

Князева Елена: Елена Князева, Украина. Инициативное бюджетирование не столько про деньги, сколько про доверие. Есть ли проблема доверия со стороны граждан, власти?

Нуртдинов Эльдар: Я смотрел программу, кажется, сейчас будут рассказывать про эффекты, но чуть-чуть расскажу. В первые годы была проблема, когда только-только начиналось. Конечно, с доверием сложно было, потому что есть еще и софинансирование. Не всегда все происходило гладко. Отдельно работа с возражениями. Во-первых, это конкурс, добровольная история. Во-вторых, деньги никто не собирает до того, как станет известно, прошел проект или нет, и так далее. Процесс с доверием... Я по большей части сопровождал собрания сельских территорий, поэтому у меня ассоциация одна. На самом деле, когда наступает критичный момент, если он наступает, некий авторитетный пожилой человек, ветеран такой, он везде есть, в каждом населенном пункте, встает и говорит свое авторитетное мнение о том, что идея-то хорошая, и вообще проект нужно сделать. В общем-то, все. Во второй год, конечно, проблем с доверием уже нет никаких. Там начинается соперничество между участниками.

Реплика из зала: Скажите, пожалуйста, у вас большое достаточно количество заявок тоже. Хоть раз была такая ситуация, когда на госзакупках заявитель не проходил, приходилось менять ([нрзб. 00:46:27](#))?

Нуртдинов Эльдар: Эта история бывает, в последний раз была в Февральском районе. Попался недобросовестный подрядчик, проблема была в том, что они в муниципальном

контракте почему-то написали последний день – тридцатые числа декабря, что ли, хотя запросто могли написать двадцатые числа сентября. Потому что проекты короткие, есть возможность быстро разобраться и согласно № 44 закону все отрегулировать.

Реплика из зала: То есть, вы перенесли на следующий год?

Нуртдинов Эльдар: Он переносится, да.

Модератор: Как переносится?

Реплика из зала: Ну, если не был готов к тому, чтобы подрядчик...

Нуртдинов Эльдар: А, вот с тридцатым декабря, возможно, не перенеслось.

Модератор: Да, было сделано тридцатого декабря в этом случае. Я просто поясню, о чем идет речь, чтобы тоже не возникало здесь непонимания. Инициативное бюджетирование строится на том, что инициативные группы граждан выдвигают проекты, обсуждают их, участвуют в конкурсе по их выдвижению. Но после того, как этот конкурс победил на муниципальном или региональном уровне, средства выделяются в муниципалитет, как правило, а муниципалитет проводит торги по Федеральному закону №44, и реализуют эти проекты субподрядные организации, которые выигрывают на основании конкурса уже отдельно. Соответственно, вопрос о том, что происходит, если подрядчик попался недобросовестный. Есть и переносы, это отдельная история, мы ее видим по России. Нельзя сказать, что она масштабы принимает тревожные, но в каждом регионе какое-то количество проектов появляется. Чаще всего, в силу технических причин, связанных с некачественным оформлением документации.

Реплика из зала: То есть, продолжая этот вопрос, проектный центр отвечает за это? Он должен работать с подрядчиками?

Модератор: Нет, это муниципалитет.

Нуртдинов Эльдар: У нас таких полномочий нет, Федеральный закон №44 абсолютно четко, конкретно...

Романович Илья: Поскольку был упомянут закон №44, хотелось бы узнать, кто там этим занимается, это все-таки администрация муниципалитета?

Нуртдинов Эльдар: Муниципалитет.

Романович Илья: И насколько в этом процессе задействованы, опять же, граждане?

Нуртдинов Эльдар: Тут такая история, к которой мы пришли тоже, участь на своих собственных ошибках. Сейчас мы рекомендуем как минимум с инициативной группой обсуждать каждый цикл, каждый процесс. То есть, возникла у нас мера, мы должны обсудить с инициативной группой. Перешли на следующий шаг – мы должны держать в курсе инициативную группу. Иначе, когда у нас происходит собрание граждан, у нас представление о будущем проекте у всех разное, оно у всех у нас в головах. А когда он

возникает, если мы на каждом этапе не будем этот процесс согласовывать, у нас могут быть расхождения. Простой пример: проект – отсыпка дорожного полотна, то есть, отсыпка, гравирование, выравнивание. Там, к сожалению, муниципалитет не обсуждал с инициативной группой каждый шаг. Потом оказалось, что в составе инициативной группы оказался грамотный человек в этом плане, и они имели в виду, что нужно было положить какую-то пленку современную, которая улучшает эксплуатационные характеристики и долговечность в несколько раз. А в смете ее уже не заложено, ничего с этим не сделать, потому что торги уже выиграны. И возникает некоторая конфликтная ситуация из-за того, что представление о будущем у нас было разное у всех. И поэтому нужно обязательно согласовывать каждый шаг с гражданами. Но разработку ТЗ граждане не согласуют, потому что оно им уже не нужно. Есть смета, это согласовывается. Но муниципальный контракт не всегда согласовывается, для этого настолько глубоко каждому не нужно вникать, это во-первых.

Во-вторых, некоторые районы заключают договора, у некоторых Минфин. Специализированная организация занимается централизованно, чтобы было без ошибок. Это по срокам, конечно, удлиняет, но зато проверяющий потом не штрафует. Потому что штрафы там большие...

Модератор: Эльдар, давай уже здесь не вникать. Спасибо большое. Переходим к следующему докладчику, я предоставляю слово Михаилу Анатольевичу Шевелеву, руководителю Проектного офиса Программы поддержки местных инициатив, Киров. «Благополучатели проектов инициативного бюджетирования». Я обещал коротко представлять каждого из докладчиков, я бы хотел про Михаила чуть больше сказать. Их проектный центр – это второй субъект федерации, который занимался инициативным бюджетированием у населения после Ставропольского края, и в Кировской области, напомню, уникальный опыт развития инициативного бюджетирования, сегодня там уже развиваются... Башкортостан ставит себе задачу 10 практик инициативного бюджетирования взять. Кировская область говорит о трех практиках, занимается разными практиками, и опыт действительно разнообразный. Михаил, пожалуйста, вам слово.

Шевелев Михаил: Спасибо. Честно говоря, когда я слушал предыдущих докладчиков, думал, как мне быстро и точно рассказать о своей теме, потому что, на самом деле, инициативное бюджетирование – многогранный абсолютно инструмент, и можно совершенно с разных сторон на него смотреть.

Я, наверное, начну свое выступление со слова «доверие», которое прозвучало, потому что доверие – действительно самый важный элемент для нашей сегодняшней секции, потому что его измерить в каких-то абсолютных показателях математических практически

невозможно. Тут только именно социология, качественная социология может помочь сказать, растет ли на самом деле это доверие. Я думаю, что как раз по нашему региону было несколько срезов изменений настроения у населения, которые научно доказывают, что на практике работа не только с точки зрения качества финансовой, статистической информации, но и с точки зрения именно отношения людей к власти, к муниципалитету.

Почему это происходит? Я взял только один блок, про который вам расскажу. Это, собственно говоря, такая категория, как благополучатели. Все знают о том, что все проекты, которые сейчас пишутся, будь это гранты, будь это проекты инициативного бюджетирования, они требуют раскрытия такого показателя – кто будет являться благополучателем этого проекта? Когда Всемирный банк нам первые семинары проводил, еще только-только проект адаптировался, нас всех пугали словом «бенефициар». А потом, когда в село приезжаешь и начинаешь им рассказывать о бенефициарах, то это всегда запоминалось очень страшно. Еще слово «проект» 10 лет назад было страшно, да еще про бенефициаров совсем страшно.

Поэтому появился термин «благополучатели», и он изначально был очень расплывчатый, потому что говорили «прямые благополучатели», «косвенные благополучатели». Так как у нас в Кировской области изначально была задача делать проект максимально социальным, то есть, с эффектами, которые были бы связаны с снижением иждивенчества, повышением доверия к власти, вовлечением населения в процесс принятия решений. Во-первых, у нас было принято решение о том, чтобы проектный центр был создан на базе Министерства социального развития, и именно до сих пор проект остается на этой базе и развивается на этой базе. А это, собственно говоря, привело к тому, что в рамках конкурса большинство критериев стремятся к тому, чтобы поддержать вот именно этот социальный эффект.

И благополучатели являются одним из тех ключевых, краеугольных элементов, за которые в прошлом году Министерство финансов отметило наш регион, наши практики как наиболее открытые, прозрачные с точки зрения благополучателей. Почему это важно? Мы, когда с вами пишем гранты, есть всегда желание немножко приукрасить картинку. А так как в наших критериях такие, скажем так... 10 лет в этом году исполняется проектам. У нас давно отошли от олимпийского принципа «главное – участие». То есть, у нас, чтобы участвовать, нужно побеждать. Потому что это и вовлечение средств муниципалитета, которых очень немного, это софинансирование, это очень большая работа с населением. Чтобы эта работа прошла эффективно, то бишь, чтобы победить в конкурсе и реализовать проект, требуется очень четкое отношение к критериям как со стороны проектного центра, так и со стороны участников.

И вот на каком-то этапе у нас произошла очень четкая унификация понимания, кто такие благополучатели, и было принято решение, которое, на самом деле, нигде не зафиксировано, но оно вот здесь написано, в единственном месте, в постановлении №33/481, которое у нас является рабочим. Написано о том, что благополучатели – это группа населения, которая регулярно, на постоянной основе будет пользоваться результатами этой инвестиционной программы. Тоже не Бог весть какое определение.

И когда у нас в первый год участвовало село Великорецкое, это Великорецкий крестный ход, достаточно масштабное мероприятие, известное для всей России. То есть, раз в году в это село приходит, по разным оценкам, 30-50 тысяч паломников. И, естественно, когда мы ремонтируем водопровод, какая цифра была указана с точки зрения благополучателей? 30600 человек. То есть, 600 людей, которые постоянно проживают и 30 тысяч, которые регулярно приходят. Но они же пьют воду, являются благополучателями.

Дальше я буду рассказывать о том, какие критерии у нас используются, но нужно сказать, что сама возможность благополучателей, оценки благополучателей и весомость этого критерия заставляют людей вовлекать население, работать с населением на всех этапах с момента задумки, с момента появления инициативы до, собственно говоря, момента реализации. А если учитывать, что в целом, из 100 баллов, по которым оцениваются заявки, чуть больше 20 – это оценка критерия благополучателей, и у нас бывает между победителем и тем, кто не прошел, разница в сотые, тысячные доли процента, то, конечно, это показатель, над которым участники начинают работать изначально.

И, собственно, здесь очень важно было верифицировать. То есть, как доказывать, что благополучателей именно такое количество? Здесь пригодился большой опыт, который мы получили в работе со Всемирным банком, и сейчас он, может быть, не так используется. Я даже по России не видел, чтобы кто-то его сейчас вообще использовал. Это было знакомство с населением, с населенным пунктом. И консультанты, про которых Эльдар рассказывал, когда приезжают в населенный пункт, разговаривают с муниципалитетом, с инициативной группой, было очень важно познакомиться, понять, собственно говоря, как этот населенный пункт живет, за счет чего развивается, кто является движущей силой с точки зрения бизнеса, какие перспективы у населенного пункта. И это все сформировало тоже определенный элемент доверия, потому что и консультант, и люди, которым консультант отчитывается, то есть, проектный центр, начинают обладать более реальной картинкой того, что эти люди пришли с реальной инициативой, которую нужно поддержать.

И вот уже работа с благополучателями – доказывание того, что у нас действительно столько благополучателей – тоже элемент такой творческой инициативной работы. То

есть, многие, равнодушно подходившие к этому вопросу, начинали работать в селах, с колхозами, потому что много приезжает людей, которые постоянно работают. Многие работают со школами, чтобы доказать, чтобы на этой улице самый большой трафик благополучателей, которые проходят. И, соответственно, сама процедура доказывания, что у нас вот столько прямых благополучателей, привела к тому, что когда мы стали реализовывать проект в городах, а в городах желание написать, что у нас в городе Кирове при ремонте одной улицы на окраине, скажем, все 504 тысячи жителей являются благополучателями, большое, то, соответственно, у нас выработалась самостоятельная система верификации благополучателей.

Я потом вернусь к этому, если будет время. Это как оцениваются финансы именно благополучателей. Презентация будет в свободном доступе, можно будет почитать, для специалистов. Но, на мой взгляд, самое важное – система, которая сложилась автоматически с точки зрения именно справедливости и прозрачности оценки. Первое – при работе с населением уже есть определенная работа с вовлечением. Потому что люди знают, что чем большее количество жителей вовлекают, тем более конкурентоспособна у них заявка. Соответственно, оформляя это, проводя опросы, анкетирования, про которые Наталья говорила, проводя предварительную работу, они так или иначе формируют тот пул благополучателей, в том числе, документы, благодаря которым можно сказать: «Предварительное собрание провели, эти люди уже так или иначе согласны, они уже хотят, чтобы этот проект был реализован».

Второй момент связан как раз с сопровождением консультантов. Когда независимый консультант приезжает и смотрит, он всегда потом может подсказать проектному центру о том, что там на самом деле происходит. И, на самом деле, в нашем случае роль консультанта – это снижение рисков. То есть, мы приехали, провели собрание, люди дружно на собрании проголосовали за то, что мы будем ремонтировать две улицы. Потом ушли, но когда сделали смету, поняли, что могут отремонтировать только одну улицу. И если это сделано не публично, без учета всех, в том числе, благополучателей, то мы получаем скандал. Письмо Путину, письмо Жириновскому о том, что мы собирались, принимали решение... Понятно, что это письмо приходит потом опять же к главе, но скандалы на местном уровне бывают очень серьезными, более того, выплескиваются в СМИ, и это очень серьезно дисциплинирует на сегодняшний день социальную атмосферу. И последнее, о чем я хотел бы сказать, это то, что, в любом случае, бенефициар или благополучатели у нас подтверждаются документально. И эта сама по себе работа повышает качество проекта и понижает, собственно, риски нереализации и негативного отношения к последующей реализации.

Модератор: Спасибо. Пожалуйста, вопросы.

Реплика из зала: Скажите, пожалуйста, у вас коэффициент благополучателей привязан к количеству благополучателей, или существуют какие-то категории, которые на его влияют еще? Качественные какие-то, может быть, мотивационные?

Шевелев Михаил: Не очень понял вопрос. Берется количество, притом берется без категорий, и важно, чтобы они не пересекались. Часто как бывает? Приходят в школу: «Дайте нам справку, сколько у нас детей учится, сколько у них родителей?» Посчитали. Потом взяли близлежащие дома, посчитали. Все сложили. Взяли справку еще какую-нибудь, и все складывают. То есть, в данном случае не отражает то, что и здесь, и здесь, и здесь одни и те же люди. Или как бывает с собраниями. Провели 4 собрания, на первое 50 человек, на второе 50, на третье, на четвертое. Подписку смотрим – одни и те же 50 были. Вот это верифицируется, учитывается и анализируется. Я допускаю, что, может быть, точно и досконально вряд ли это возможно было бы, потому что возможности ресурсного центра не безграничны. Но как раз из-за того, что происходит несколько этапов – консультанты, инициативная группа, проектный центр – то так или иначе, цифры достаточно идентичны.

Тем более, те, кто не выиграл, у нас достаточно прозрачная таблица. То есть, один двор выиграл, другой не выиграл. У нас же состязательность, другой говорит: «Почему мы не выиграли?» Я один раз приезжал когда, 4 года подряд один двор не выигрывал. Я приезжал на собрания, думал, что надо белые тапочки заказывать. Вот мы с ними сидели просто, считали. И как раз они не выигрывали из-за того, что не работали с благополучателями, а соседний двор работал. Они обходили, работали со школой, со всем, подтвердили. А сама эта работа повышала их рейтинг даже в глазах горожан, потому что работая с благополучателями проекта, мы знаем тех, кому проект может быть нужен.

Реплика из зала: У меня вопрос. Вы использовали термин несколько раз, «инвестиционные проекты». Вот когда появляется вот это название инвестиционного проекта? Сначала люди генерируют идеи, обсуждают, выделяют приоритеты, он дальше выходит вплоть до разработчика. Где точка эта?

Шевелев Михаил: Точка – заявка, допущенная до конкурсного отбора.

Реплика из зала: Кто это генерирует, проектный центр?

Шевелев Михаил: Нет. Не надо делать чужую работу. Проектный центр в данном случае – это организационно-сопровождающая функция. Плюс организация конкурсного отбора и так далее. Проектную заявку готовит муниципалитет совместно с инициативной группой. То есть, они оба подписывают эту заявку. У нас она называется заявкой, собственно говоря, это инвестиционный проект, в Перми это называют сразу проектом и

обсуждают, что это проект. Но, в целом, мы должны понимать, что это действительно законченный местный микроинвестиционный проект.

Модератор: Действительно, вопрос очень важный по поводу инвестиционного проекта. У нас очень часто возникают вот такие коллизии, когда мы наталкиваемся, условно говоря, на другой пласт терминологии. Инвестиционные проекты – это уже из разряда экономики, больших, крупных проектов. Но мы в этом смысле заложники уже существовавшей терминологии. Очень часто региональные власти при запуске нового инициативного бюджетирования пользуются теми терминами, которые им привычны, и иногда выдают проекты инициативного бюджетирования, особенно на начальной стадии, за инвестиционные проекты по развитию местной инфраструктуры. Мы этому не противимся, как это называть, не важно, но прекрасно понимаем, что на самом деле это два абсолютно разных пласта реализации проекта.

Шевелев Михаил: Можно я добавлю? В перечне было операционное руководство описано, как элемент нормативной документации. Оно не принято, не утверждено никем, разработано на уровне проектного центра. Вот там вся терминология прописана, чтобы мы внутри команды, внутри региона могли ей пользоваться.

Реплика из зала: Камчатский край. Скажите, пожалуйста, регулируется ли какой-то нормативно-правовой базой проведение соцопросов для решения вопросов местного значения? Такое есть или нет?

Шевелев Михаил: У нас, как таковой, нормативной базы по соцопросам нет. В таких случаях всегда пользовались добротой и отношением Всемирного банка, который, собственно говоря, чтобы показать срез, по своей методике поставили задачу. И социологи уже в соответствии с методикой пошли. Я хотел еще на один вопрос ответить, в полной ли мере является население субъектом. Кто кем манипулирует и как это, собственно говоря, все происходит. Я вам должен сказать, что мы находимся в достаточно тяжелом положении, как регион, в том плане, что мы, постепенно развиваясь, видим, что те, кто запустил проект 2-3 года назад, они переживают свои кризисные моменты, которые на этапе роста существуют.

У нас есть кризисы взросления, кризисы, когда проект может не то, что использоваться, а, собственно говоря, вы приходите и говорите: «У нас дорога плохая». Сразу говорят: «А вы в проекте поддержки пробовали участвовать? Вы сначала там почувствуйте, потом приходите делайте». Это становится таким муниципальным инструментом, который уже нельзя обойти. Он настолько встроен в бюджете, что является одним из единственно реальных возможностей, благодаря которым можно решить задачу. Поэтому, кто кем управляет? Что есть инициатива? Это достаточно суровый, философский вопрос.

Модератор: Вот на этой суровой философской теме я был хотел закончить выступление Михаила. Мы переходим к следующему докладчику. Коршаков Владимир Валерьевич, научный сотрудник центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Причем это другая практика инициативного администрирования. Это та практика, которая кардинально отличается по процедурам. Тем не менее, три года уже город Санкт-Петербург, до этого Кировская область, до этого Вологодская область и много других российских регионов, реализовывали эти практики. Владимир, пожалуйста, вам слово.

Коршаков Владимир: Спасибо. Я, наверное, начну с животрепещущего вопроса, на который только что отвечал Михаил: является ли население субъектом инициативного бюджетирования? Кстати, мы предпочитаем использовать термин «компенсаторное бюджетирование», вследствие того, что граждане действительно должны проявлять сильное участие в программе, которую мы предлагаем. Так вот, население субъектом у нас не является. Не является оно субъектом по той причине, что на повышение квалификации государственных служащих, которое мы проводим, приходим к государственным служащим и первым делом говорим: «Давайте вы не будете называть в этом проекте граждан населением, а мы за это скажем гражданам, чтобы они называли вас не чиновниками, а государственными служащими». Граждане, безусловно, в этом проекте являются стороной. Я не очень представлял аудиторию, которая будет. Я рассчитывал на то, что у нас будет 7 человек, которые итак друг друга знают, поэтому не предусматривал, что нужно будет рассказывать о проектах.

Если рассказывать исключительно об образовательном блоке, который в проектах, которые делаются методом бюджетных комиссий, представляют очень важную часть. Метод бюджетных комиссий, он кардинально отличается от того, о чем сейчас рассказывал Михаил. То есть, граждане, у которых есть какие-то инициативы, подают заявки. Из этих заявок, случайным образом, методом жребия, отбирается бюджетная комиссия, которая состоит от 11 до 20 человек. От 11, потому что меньше – возможны блоки и манипуляции комиссией меньшего состава. Почему до 20? Потому что грамотный модератор может организовывать дискуссию примерно из 20 человек. Гениальный модератор может больше, но гениальных модераторов не очень много. Соответственно, граждане приходят со своими инициативами, и дальше эта инициатива может быть изложена в одном предложении. «Хочу детскую площадку». После этого граждане проходят специальное обучение. Обучение обеспечивается силами местных или органов исполнительной власти, или муниципальными. В зависимости от того, в каком городе проект реализуют. Если это Петербург, понятно, это исполнительные органы государственной власти. Граждане получают экспертное сопровождение. То есть, в итоге,

когда заявки сделаны на основании знаний, которые они получили, органы государственной власти готовят на это своеобразную лицензию. Находится ли это в полномочиях государственной власти, можно ли это реализовать за эти деньги. Изначально касаясь денег, здесь тоже схема иная. Метод бюджетных комиссий, бюджет города или муниципального образования, заранее выделяет фиксированную сумму, которую граждане имеют право распределить так, как они захотят. Софинансирования со стороны граждан не предусматривается. Просто граждане разделяют. Когда происходит этап экспертизы, после этого граждане голосуют, которые находятся в этой комиссии.

Реплика из зала: Это все на уровне муниципального района города?

Коршаков Владимир: В городе Петербурге это происходит на уровне района города. Район – это более крупная единица, чем муниципальное образование в Петербурге. Это органы государственной власти. То есть, это просто иллюстрация к тому, что происходило у нас в последние 3 года с этим методом, как это развивалось в городе Петербурге и как в прошлом году делалось в Новгородской области. У нас есть там Петроградский район, 180 000 населения. Есть 4000 населения. Работало пока везде.

Гражданское образование состоит из теоретической составляющей и практической составляющей. Теоретическое – это то, что мы в своих внутренних документах называем образовательным блоком. То есть, читают специальную лекцию по разграничению полномочий органов государственной власти местного самоуправления. Это особенно необходимо в Петербурге. Город федерального значения, очень много полномочий. Нужно, чтобы граждане изначально подавали не пустую заявку, а ту заявку, которая может быть реализована силами города Санкт-Петербурга. Лекция по государственным закупкам – это тоже понятно, потому что, может прийти участник бюджетной комиссии, который хочет поставить у себя во дворе голубого фаянсового слоника конкретной компании. Соответственно, он должен понять, что такое № 44 закон. Проводится лекция по бюджетному процессу - то, о чем Наталья упоминала, говоря, что не хватает бюджетной грамотности. В общем, эта лекция проводится. Я не знаю, насколько эта бюджетная грамотность нужна в действительности гражданам, им в действительности нужно знать о том, что такое бюджетный год и почему в бюджет их работа будет заложена на следующий год. Это тоже специфика Петербурга. Работа с местной геоинформационной системой, потому что земля очень сложно нарезана, не понятно, что принадлежит кому. Соответственно, граждан специально учат использовать открытую часть государственного кадастра с тем, чтобы они понимали, где они хотят развивать свой проект.

Все это выливается в такую практическую составляющую, как подготовка проекта, который приходит на экспертизу государственным служащим. Если проект нуждается в какой-то доработке, то организуются специальные встречи с государственными служащими, чтобы гражданин мог изменить.

На этом тернистом пути, какие встречаются важные проблемы? Первая – это изменение фрейма коммуникации. Как правило, государственные служащие видят гражданина, когда гражданин к нему приходит с какой-то проблемой. Причем проблема эта уже настолько гражданина достала, что он в свое рабочее время пришел на нее жаловаться. И определенный фрейм взаимодействия. Человек, у которого есть полномочия, человек, который пришел что-то просить. Можно менять этот фрейм. Когда прозвучит слово лекция, мы должны прочитать лекцию, фрейм меняется на фрейм преподаватель-учащийся. Здесь тоже есть проблемы, потому что, когда формируется такой фрейм, учитель в нашей системе, вообще в классической европейской системе, которая заимствована из Германии – это лицо, обладающее авторитетом и диктующее ученику, что он должен делать.

Это особенно хорошо проявляется, когда приходят сотрудники финансовых отделов, читающие лекции о бюджетной грамотности. Они, к сожалению, испорчены уроками финансовой грамотности, которые их обязывают читать в школах. Когда человек с таким опытом приходит в комиссию, а бюджетная комиссия – это взрослые люди. В Петербурге это часто владельцы своего бизнеса, люди уровня менеджеров в крупных компаниях. В Новгородской области в этом году был кандидат наук экономических в одной из комиссий. И приходит человек, который хочет научить их бюджетной грамотности, и начинает с фразы: «Представьте, что бюджет города – это кошелечек». И эффект производит, обычно, не забываемый. Мы, как консультанты, пытаемся как-то этот фрейм менять, но такие сложности возникают.

Избыточность теоретических знаний, она возникает, когда лекция читается о бюджетной грамотности, потому что сотрудник департамента бюджетного планирования стоит перед гражданами. Через 15 минут у него кончилась лекция о том, что бюджет – это кошелечек, и дальше начинается лекция о том, что такое конспекты, субсидии, субвенции. К этому моменту гражданин тоже впадает в некоторый ступор. Плюс разные уровни подготовки участников комиссии. Это тоже понятно, потому что не все кандидаты наук, не все руководители своих компаний. Это то, о чем вы просили меня рассказать.

Каганталь мне прислал письмо со словами: «Вы же делаете из граждан активистов». Я немножко удивился, потому что мы не делаем. Граждане, действительно, получают какие-то компетенции перечисленные. Это служит им какую-то добрую службу, но нужно

учитывать, что специфика такова, то есть, этот процесс занимает обычно месяца три. Он занимает примерно 12 недель, этот образовательный блок. Человек, который на это решился, он часто уже является активистом с какой-то конкретной идеей, он уже до этого проводил какую-то работу. В Петербурге бывают вело активисты, защитники животных. То есть, те люди, которые уже посвятили значительную часть своего времени какому-то делу.

Люди, которые приходили в комиссию для того, чтобы реализовать свой проект, и для них это было первым опытом, они скорее формируют резерв для развития гражданской активности, потому что иногда они приходят на следующий, когда можно участвовать в следующем году в проекте «Госбюджет». Иногда они участвуют еще в каких-то местных активностях, но все же, я бы не сказал, отвечая на вопрос Натальи, делаем ли мы экспертов, активистов.

Модератор: Спасибо. Я предоставлю возможность задать вопросы. Действительно где-то год назад практика подобного бюджетирования в Санкт-Петербурге позволила нам обратить внимание на практически абсолютно новую грань инициативного бюджетирования, и эта грань, она до сих пор является очень интересной. Мы смотрим, как это все блесит, но с какой стороны к этому подойти и что с этим делать дальше, не очень-то понятно. Здесь терминологически было очень важно изначально правильно сфокусировать выступление на том, что мы не гражданских активистов хотели бы услышать, готовить, а гражданских или, точнее сказать, городских экспертов. Городские эксперты – вот что год назад, в качестве этой грани в Санкт-Петербурге появилось. Причем мы это услышали не от консультантов по инициативному бюджетированию, а со стороны представителей власти, которые воспринимали уже это как данность.

Действительно, обратили внимание на то, что в составе бюджетных комиссий больше 50% - люди с высшим образованием. В Санкт-Петербурге, когда назвали эту цифру, она вообще меня поразила. Чуть ли не 60 с лишним процентов – люди с высшим образованием. Люди, которые приходили в эти бюджетные комиссии, уровень их компетенций оказывался выше, чем уровень чиновников, которые приходили им рассказывать об этом. Эти городские эксперты – это абсолютно новая категория, это гражданские активисты. При этом их уровень – это уровень городских экспертов, который требует к себе другого отношения. Они совершенно другими компетенциями располагают, они совершенно иначе могут предложить решение тех или иных городских проблем. Мы видим сегодня, что в Санкт-Петербурге с помощью инициативного бюджетирования стали появляться уникальные проекты, которых у нас не было в других местах. В частности, Санкт-Петербургская велосипедизация развивается совершенно

иначе, чем она развивается в любом другом городе страны, и в Москве в первую очередь. Потому что Петербургская велосипедизация – это результат усилий тех людей, которые хотели бы ездить по городу на велосипедах и сами принесли свое предложение о том, как это может быть, а не так, как это произошло в Москве, когда в качестве подарка городских властей горожанам, было создано в центре города N количество показательных велосипедных дорожек, которые уже через год превратились в место мусора и всего прочего. По крайней мере, местом массового проведения велосипедных прогулок они так и не стали.

Вот я хотел на что обратить внимание, и вот какого рода, на самом деле, гражданских активистов мы в Санкт-Петербурге нашли и очень хотели бы, чтобы вы ни в коем случае не забывали.

Реплика из зала: У меня вопрос к вам на понимание. Вы говорите, государственный служащий. На самом деле, на уровне района вы работаете, значит, муниципальные служащие.

Коршаков Владимир: В Петербурге специфическая административно-территориальная схема. Там районы – это части государственной власти. Муниципальные образования в Петербурге совсем маленькие, гораздо меньше административных районов, мы с ними взаимодействуем.

Модератор: В городах федерального значения, Москве, Санкт-Петербурге, теперь и в Севастополе, особое устройство муниципальной власти.

Реплика из зала: Как решать проблему круговой поруки при распределении средств, когда несколько сразу активистов участвуют? Простым голосованием?

Коршаков Владимир: В финале простое голосование. В начале, чтобы обеспечить большую результативность, отбор производится по жребию. Если объективно в жеребьевке захотели участвовать в конкретном районе 1000 человек, 500 из них – велоактивисты, будет справедливо.

Реплика из зала: У меня тоже был вопрос про механизм отбора. Как изначально? Как приходят люди, как они узнают про это?

Коршаков Владимир: Изначально проводится оповещение. Надо отдать должное комитету финансов Санкт-Петербурга, оповещение самое широкое, вплоть до того, что висят афиши на остановках, есть аудио объявления в метро, есть продвижение в социальных сетях. Эта кампания происходит около месяца. В течение месяца можно подать заявку через сайт. Соответственно, когда отбор заявок завершен, в конкретном районе жеребьевка проводится очно. Каждый гражданин приходит, пишет свое имя на бюллетене, бюллетени помещаются в урну, все они свернуты одинаковым образом, чтобы

исключить возможность того, чтобы кто-то вытащил специально не те бюллетени или какие-то, определенным образом, отмеченные. Таким образом открытая перед всеми жеребьевка производится.

Реплика из зала: При этом никаких недовольств нету, что приходят тысячи, а отбирается 10-20 человек?

Коршаков Владимир: Нет, потому что это альтернативный исполняющий механизм. Нормальную систему, муниципальную проводит государственное управление. Нормальная система у нас заключается в том, что в идеальном виде может быть где-то на бумажке, где-то действительно работают, люди избирают своих представителей. Представители, по запросам людей, влияют на создание бюджета, от лица депутатов. Вот это, что мы делаем с бюджетными комиссиями - это альтернативный способ. Они собираются, как комиссии присяжных. То есть, не для того, чтобы избрать самых лучших, которые за нас все распределяют, а для того, чтобы жребий мог стать срезом общества.

Модератор: Жюри присяжных не объясняет. Это концепция Европейского университета. Она укладывается в те теоретические представления, которые по поводу прямой демократии в Европейском университете уже сформировались. Хочу, чтобы у вас в голове было понимание четкое тех основ, из которого выросло бюджетирование и на которых сегодня базируется инициативное бюджетирование в том числе. Действительно, есть институты и механизмы представительной демократии, которые мы хорошо знаем, которые укоренились у нас в сознании. Мы, чаще всего, даже, когда о демократии рассуждаем, мы рассуждаем в форме дискурса представительной демократии. Мы говорим: «Ну как же, эти люди должны быть кем-то. Кто-то же за них должен проголосовать». Это одна из форм демократии. Есть и другие представления о демократии. Прямая демократия не предполагает выдвижения и делегирование мною как гражданином, кому бы то ни было функций по представительству моих интересов где бы то ни было. Я хочу, как гражданин, сам непосредственно принимать участие в вопросах, которые меня касаются. И поэтому жеребьевка – это один из универсальных механизмов, который дает мне, как гражданину, возможность, на основе прямой демократии, получить шанс участвовать в тех решениях, которые меня интересуют. Это как данность. Я ничего не переврал?

Коршаков Владимир: Нет. Я дополню. Жеребьевка, почему она необходима? Иногда нужно отобрать действительно случайных людей. Я очень люблю такой пример: у нас был случай, когда в бюджетную комиссию пришла женщина, молодая мама, и сказала: «Давайте мы в общественных парках, в общественных туалетах, сделаем пеленальные столики, потому что с ребенком гуляешь по парку, нужно подгузник сменить». Когда это

дошло до комиссии, это обсуждалось с профильным служащим, который должен был одобрить инициативу или не одобрить. Это мужчина, пожилой, под 50 лет. Он говорит: «Какие пеленальные столики? В жизни они не нужны были никогда». Чтобы услышать эту молодую маму, нужно было случайным образом собрать комиссию, потому что в депутаты она, естественно, избираться не будет.

Модератор: Я бы не хотел, чтобы мы переходили к обсуждению. Есть ли еще вопросы? Замечательно.

Сухова Анна: У меня короткий вопрос. В продолжение нашего разговора, что высокий уровень образования у тех людей, которые отобраны в члены бюджетной комиссии. А делали ли вы какой-то профиль этих участников? Пол, возраст? Среднестатистический участник бюджетной комиссии.

Коршаков Владимир: У нас есть данные, прямо сейчас у меня их нет, но я могу поделиться потом.

Модератор: Позвольте мне предоставить слово следующему докладчику. У нас есть по программе, заявлен еще один участник, но его присутствие будет виртуальным, потому что есть продукт ее труда. Это роли, посвященные инициативному бюджетированию. Я хочу предложить слово Анне Суховой, консультанту, теперь уже не только консультанту, координатору проекта по развитию инициативного бюджетирования в России Всемирного банка, причем Всемирный банк стоял у истоков инициативного бюджетирования. Сегодня у них, у первых, вообще не сегодня, получилось сделать социологические среды в Пермской области, а теперь уже не только в Пермской области, но и в пределах Российской Федерации. Об этих данных, я думаю, Анна нам расскажет.

Сухова Анна: Добрый день, уважаемые коллеги. Мы, Всемирный банк, занимаемся 13 лет инициативным бюджетированием. Первая практика в 2007 году в Ставропольском крае была реализована. На протяжении всех этих лет нам всегда задают вопрос: «Эффекты какие? Понятно, цифры мы видим, сколько проектов реализовано, дома культуры отремонтированы, дороги, вода, люди пришли, даже руку подняли, проголосовали, но как меняется? Что меняется в головах у людей? Что меняется в институциональном и социальном плане?» И мы провели социологическое исследование. Несколько лет назад мы делали это в отдельных регионах, но нам удалось год назад сделать исследование по России. Какой была цель нашего исследования – это выявить долгосрочный эффект от реализации программ, что происходит с изменением иждивенческих настроений людей, как меняются взаимоотношения населения и власти, каким образом повышается или не повышается прозрачность расходования бюджетных средств, как жители вообще к этому процессу относятся.

Теорию вопроса, наверное, опущу. То есть, мы берем две группы. У одной группы была интервенция, то есть, допустим, они участвовали в программе поддержки местных инициатив, другая группа не участвовала в этой программе. Мы берем по остальным характеристикам примерно одинаковые муниципальные образования. Соответственно, сравниваем, что было, что стало. Поскольку чистый экспериментальный дизайн невозможно реализовать в условиях живого проекта, у нас это не эксперимент, когда мы взяли две группы людей, одни чистят зубы месяц, другие не чистят, дальше мы сравниваем, что случилось с их зубами.

У нас муниципальные образования все участвуют в этом проекте по заявительному принципу. Мы изначально не можем их разделить и сказать: «Вот вы, пожалуйста, следующие 7 лет не подавайте заявку. Мы вас будем исследовать». Нет. поэтому мы использовали квазиэкспериментальный дизайн, и мы уже постфактум разделили муниципальные образования на две группы. Экспериментальная – это жители тех муниципальных образований, которые продолжительно участвовали в программе поддержки местных инициатив. Это та практика, о которой Михаил и Эльдар рассказывали, которая реализуется в Кировской области, в Башкортостане. На самом деле, в 30 субъектах РФ на сегодняшний день. И вторая группа – это контроль, это жители тех муниципальных образований, которые не участвовали. Они могли не участвовать совершенно по разным причинам.

Мы подобрали такую контрольную группу, которая по численности населения и по бюджету были схожи с теми муниципальными образованиями, которые попали в экспериментальную группу. Итого у нас получилась выборка на примере 4 регионов с продолжительной, непрерывной реализацией программы поддержки местных инициатив. Они были представлены 51 поселением экспериментальной группы, и 6 в контрольной. Общая выборка составила 2,5 тысячи населения: 2000 экспериментальных, которые участвовали в программе, и 510 в контрольной группе.

Исследование проводилось методом интервью по месту жительства с квотированием по полу и возрасту. Анкета была большая, там было много вопросов. В том числе и про активистов, так интересных нам сегодня. Я представляю три основных блока, это про удовлетворенность качеством инфраструктуры. Действительно проекты в муниципальных образованиях реализовываются. Наверное, что-то меняется, но жителям это нравится? Действительно, видят, ощущают ли они изменения в качестве инфраструктур и удовлетворены ли ими.

Второй момент – это диалог и взаимодействие между населением и властью. То, как раз что у нас заявлено в теме сегодняшней секции. И так интересное всем доверие. Первый

блок совершенно простой. О том, что действительно реализуются в муниципальных образованиях проекты, ремонтируются дороги, ремонтируются дома культуры, спортивные площадки и так далее. Качество инфраструктуры меняется. Каким образом жители на это реагируют? Здесь 4 основных типа инфраструктуры, которые чаще всего реализуются именно в сельских, отдаленных муниципалитетах: дороги, вода, учреждения культуры и всякие спортивные, детские площадки. Здесь везде сравниваются две группы - контрольная и экспериментальная.

Я сразу скажу, что на этом слайде, и на всех последующих, все сравнения между контрольной и экспериментальной группой, они статистически значимые. То есть, здесь только статистически значимые результаты. Мы видим, что действительно те жители, которые живут в муниципальных образованиях, участвующих в поддержке местных инициатив, они значимо более удовлетворены качеством инфраструктуры в месте их проживания. Особенно это видно на учреждениях культуры и спорта. Чуть меньше на дорогах и воде, наверное, потому что больше усилий требуется, чтобы все дороги отремонтировать, чтобы все вопросы с водой решить и так далее.

У людей меняется удовлетворенность тем, каким образом решаются вопросы благоустройства и ЖКХ. Так же мы видим, что у экспериментальной группы больше уровень этой удовлетворённости. Таким образом, людям больше нравится жить в своем поселке. Он преображается. Те поселения, которые участвуют в программе из года в год, на протяжении 10 лет, например, даже если туда просто приехать, видно, как меняется облик села. Детские площадки появляются, спортивные площадки, жизнь кипит.

Если посмотреть срез в динамике, спросить у людей: «А как вы считаете, за последние годы качество жизни в вашем муниципальном образовании изменилась или нет?» Мы тоже видим, что в экспериментальных группах значимо больше людей говорят, что: «Да, качество изменилось». И если мы посмотрим срез относительно того, сколько проектов было реализовано в этих муниципальных образованиях, то на самом деле, чаще всего, в регионах одно поселение может выиграть только одну заявку в год. Не всегда, но чаще всего. Получается, что чем больше люди участвуют, чем больше проектов реализовывается, тем мы видим, растет уровень удовлетворенности качеством жизни в своем муниципальном образовании.

Второй блог - диалог и взаимодействие между жителями. Мы можем их убеждать, что программа поддержки местных инициатив является платформой для диалога населения и власти. Органы местного самоуправления проводят специальные собрания с жителями по тому, чтобы собрать идеи с них, по тому, чтобы обсудить и проголосовать за них. После

этого собрания уже готовится заявка, о которой мы сегодня говорили, которая идет на конкурс и может быть профинансирована.

Не удивительно, что больше собраний проводится в тех населенных пунктах, где программа работала, но кроме того, жители говорят о том, что улучшается диалог с органами местного самоуправления, и с ними можно встретиться не только в рамках специальных собраний, но и можно встретиться, когда это необходимо, допустим, в какие-то приемные часы или. И если это совсем маленький населенный пункт, просто на улице главу отловить и спросить у него какие-то животрепещущие вопросы. В том числе, жители говорят о том, что: «Да, администрация поселения учитывает мнение жителей в решении местных вопросов». Большая часть поднятых на собраниях проблем, действительно, решается. Не просто собрались, что-то обсудили, разошлись, ничего не происходит, а действительно, те вопросы, которые поднимаются, обсуждаются, они и решаются.

Третий блок про доверие, который, на самом деле, самый интересный вопрос и самый сложный для замера. Доверие не меняется. Я говорю о доверии к органам местного самоуправления, не про доверие к проекту в целом. На самом деле, оно тоже меняется. Мы здесь видим, что в контрольно-экспериментальной группе уровень доверия различается. Те жители, которые участвовали в программе поддержки местных инициатив, показывают больший уровень доверия к главе поселения. Первый столбик – это среднее по России. Это по данным Евробарометра. Флеш-волна 2017 года. Тут тоже идет фильтр на сельские поселения. Если мы посмотрим в динамике, чем больше проектов реализовано, чем больше жителей участвуют в программе поддержки местных инициатив, тем выше становится уровень доверия к главе поселения. Они видят результаты и их отношение меняется.

Кроме того, если жители из года в год участвуют в проекте, они предлагают свои идеи, реализуются те проекты, которые они предложили, они начинают чувствовать себя активными, они начинают чувствовать себя ответственными за то, что происходит в территории их проживания. Кроме того, сегодня уже говорилось о том, что в программе поддержки местных инициатив в большинстве случаев предусмотрено софинансирование, когда жители вкладываются и собственным рублем в реализацию проектов и, на самом деле, своим трудом тоже. Могут быть организованы субботники и так далее.

Нам было интересно посмотреть, готовы ли жители вкладывать, как они к этому относятся. Слева вы видите вопрос про готовность вкладываться в общественный проект. Если общественный проект для всего населенного пункта, но не лично для вас. Мы видим, что в экспериментальной группе больше уровень готовности. То же самое мы спрашивали

про благотворительные проект, то есть помощь пожилым, сиротам. Тоже мы видим, что те жители, которые включены в процесс, которые уже активны, они больше готовы вкладываться. Мы спрашивали: «Сколько вы готовы вложить?» В благотворительный проект готовы вложить больше. Если посмотреть медиальное значение, то по общественным проектам – 500 рублей, по благотворительным – 600.

Про сопровождение. Сегодня уже затрагивали этот вопрос. Являются ли жители субъектами, зачем вообще это делать, чем это отличается. На самом деле, эти эффекты можно получить, если делать программу качественно. Если эти деньги раздать и не следить, действительно ли люди свое мнение высказали, действительно ли проекты собирались, то таких эффектов ты не получишь. Здесь пример вопроса о том, насколько узнаваема программа в регионе среди жителей. Здесь спрашивали: «Знаете ли вы...?» и приводился перечень проектов, в том числе проект поддержки местных инициатив. Одна программа здесь выдуманная, которая не существует. Мы видим на примере двух регионов, в одном 34% уровень узнаваемости программы, в другом – 50%, что очень много. Если сравнить четыре региона, которые у нас были, в двух регионах мы можем утверждать, что качественно проходило сопровождение проектов, работал такой проектный центр, как представляет Михаил и Эльдар сегодня, который все контролировал, смотрел и помогал. Мы видим, что уровень узнаваемости 37,53%. Два региона, где не очень серьезно относились к программе сопровождения, они ее делали, но, может быть, не последовательно, уже уровень узнаваемости меньше.

Модератор: Это книга, посвященная 30-летию партисипаторного бюджетирования, где впервые появился материал о партисипаторном инициативном бюджетированиях в Российской Федерации, где во многих материалах есть информация о том, как развивается инициативное бюджетирование в РФ. Это самая главная книжка по инициативному бюджетированию. По крайней мере, 5 лет назад, когда мы начинали только этим заниматься, именно эта книга и предыдущее ее издание, посвященное 25-летию партисипаторного бюджетирования, сподвигла меня к тому, чтобы заниматься этим серьезно. Теперь эта книга нам доступна. Я думаю, Всемирный банк нам ее переведет и у каждого будет возможность. Книжка интересная, стоит того, чтобы уделить время.

Реплика из зала: У вас уникальные кадры работают на регионах, они огромный опыт получают, непосредственно, работая с людьми. У вас существует некий сайт интегрирования, взаимного обмена опытом, какими-то проблемными ситуациями, которые возникают на местах? Есть общий сайт, где это можно было бы обсудить? Только для участников.

Сухова Анна: Вопрос больной, я бы сказала. Если говорить про общение, я бы вам предложила зайти на нашу страничку в Facebook. Там открыто, туда подписаны те люди, которые занимаются этим в регионах и представляют органы исполнительной власти, консультанты, просто жители. Какое-то время назад у нас был сайт, но по опыту, он не очень активно работает.

Реплика из зала: Вопрос по исследованию. Я правильно поняла, что опрос проходил там, где проект успешно реализовывался? Или все-таки есть примеры, когда были какие-то трудности? Тогда, какие эффекты были зафиксированы? Получается, что проект успешный и все эффекты положительные. Все выросло, все замечательно. Так же не бывает.

Сухова Анна: Мы брали 4 региона, которые наиболее продолжительно и постоянно делали программу, без перерывов. На самом деле, не так много тех регионов, в которых можно наврать, что 6-7 лет они делают. Мы выбрали из того, что было. Мерить эффекты про доверие у тех регионов, которые только запустили программу, нет смысла. Вопросы, естественно я показала только те, которые сработали, был значимый результат. Но были и те вопросы, которые не сработали. У нас был блок вопросов про социальный активизм, активность людей. Они не сработали. Возможно, недостаточно времени прошло.

Реплика из зала: Что значит «не сработало»?

Сухова Анна: Не было значимости между теми, кто участвовал и не участвовал. Это тоже интересно, данных много. Руки не доходят это все обработать. Если интересно, наверняка, здесь есть и студенты, исследователи, кто этой темой занимается, обращайтесь.

Реплика из зала: На нескольких слайдах использовался термин «диалог». Какие смыслы вы вкладывали в это понятие, задавая вопросы респондентам, обрабатывая данные.

Сухова Анна: Мы вкладывали смысл такой, что люди могут обратиться, легко могут обратиться к администрации, и таким же образом администрация спрашивает у людей, а что вы хотите? То есть, она собирает идеи и, опираясь на мнение жителей, уже принимает какие-то решения.

Модератор: Спасибо. У нас совсем немного времени осталось, для того чтобы обменяться мнениями по поводу услышанного. У нас были люди, которые были записаны на участие. Я готов им дать слово, если им есть, что сказать. Сразу обозначайте свою готовность руками.

Лапушинская Галина: Коллеги, Галина Лапушинская, Тверская область. Наша область занимается достаточно долго реализацией инициативного бюджетирования, поэтому я, на основе уже имеющихся опытов и примеров, попробую просто двумя фразами ответить на вопросы, которые здесь звучали, но с позиции Тверской области. Первый момент,

связанный с вовлечением экспертов, которые традиционно занимаются публичными слушаниями, экспертизой бюджета. Нам удастся, в силу того, что мы активно вовлекаемся в школу ППМИ, когда обсуждается лучшая практика и распространяется на регион, влиять в том числе и на бюджет. Я вхожу в общественный совет Минфина Тверской области. Я считаю, что возможность в этом году озвучить мнение о том, что нельзя сокращать выделение финансовых средств на сельские территории в ущерб росту финансовых средств на реализацию ППМИ в городах, привело к тому, что губернатор нас услышал, Минфин дорабатывал бюджет, увеличивая расходы на данное направление. Чисто среагировал на экспертное мнение. В данном случае, можно спокойно встраиваться, если программа достаточно открытая.

Второй комментарий, который бы я хотела сказать, по поводу субъекта или автора. При инициативном бюджетировании все-таки субъекты. Почему? Ограниченный выбор, конечно, потому что могут выбирать только из тех проектов, которые реально муниципалитет подготовил как технические задания, которые может реализовать в рамках своих полномочий, но предлагает населению как выбор, «голосую деньгами». Причем очень отличается в этом случае от самообложения. Жестко прописанные требования, где не менее 70% населения должно одинаковую сумму с каждого. Инициативное бюджетирование, почему в этом случае выбор? Потому что они сами определяют, будут они собирать средства с каждого двора, или они будут собирать с потребителя. Будут ли они предоставлять кому-то льготу по объему собираемых средств? Не будут.

В данном случае население достаточно активно принимает решения. Но это требует предпроектного хорошего исследования и активного взаимодействия. Это очень тяжело, на самом деле, потому что до того, как проводить собрание по выбору, надо абсолютно провести все, что связано с выявлением тех проектов, которые могут быть поддержаны. Население готово или не готово вкладывать в них средства, поэтому, очень интересный в этом году вариант, когда администрация города Твери, 14 проектов, технически подготовленных заданий, выставляла с интервью Департаменту благоустройства на собственный сайт. Тиражировала через социальные сети с просьбой граждан выбрать, какие проекты они хотели бы, чтобы реализовались на территории города. В этом случае, по своему опыту, я смотрю на эти 14 проектов. Ни один не попадает в территорию моего проживания. Но исходя из того, что мне ближе, что мне понравилось в проекте, я делаю выбор.

Можно зайти на сайт, посмотреть, как они это делали. Очень интересное обращение было со стороны органов местного самоуправления. Совершенно открытый доступ, без какого-то ограничения в выявлении мнений. Ответ на вариант «все ли так хорошо?». Мы, на

территории Тверской области, принимали участие в исследовании Всемирного банка, и нам удалось сделать некую, в дальнейшем стартующую, пружину по улучшению программы, выявить все риски, которые есть и существуют в программе поддержки местных инициатив. Мы их структурировали. Естественно, они произносятся и для населения, и для инициативной группы, чтобы люди знали, в чем могут возникнуть сложности. То есть, делали достаточно объективный выбор, в том числе и риски муниципалитета по участию в конкурсе.

Модератор: Спасибо, Галина Константиновна, большое. Наше время неумолимо заканчивается и подходит к концу. Чтобы нам как-то сохранить пунктуальность и остаться в рамках графика, у нас есть возможность для очень короткого комментария. Владимир Николаевич, пожалуйста, вам слово. Буквально 2-3 минуты.

Якимец Владимир: Я хочу поблагодарить вас. Я много чему образовался, несмотря на то, что читаю лекции в РАНХиСГС, в том числе по математике. Вы все просто герои, честно говоря.

Что такое все-таки инициативное бюджетирование в России? Это механизм, который находится в стадии институализации. У нас нормативно-правовая база на федеральном уровне не завершена, хотя она есть уже. На региональном уровне только три региона. Кировская область почему-то закон не хочет принимать.

В этом отношении институализация будет нарастать. Вы находитесь на подъеме. Одновременно у меня возникает несколько вопросов, которые я сейчас задам быстро. По сути дела, социальные эффекты, которые мы собираемся мерить, это надо делать, на мой взгляд, есть такое понятие как «социальный капитал». Вы его все время упоминаете. Теперь вопрос такой: есть программа лидеры России. За какой-то короткий промежуток времени, а здесь-то уже люли по несколько лет люди отработали. Почему вы ни слова не сказали? Они где-то в депутаты выбирались, хотя бы в местные? Они выходили в муниципальную власть? Работы их тянули с собой? Или они остались? Это же не может быть такого. Наверняка, они уже прошли дальше. Об этом нужно говорить. Это чистый социальный капитал.

Еще один момент: мне очень нравится, как коллеги говорили. На самом деле, вопрос о финансировании их работы, должен рассматриваться на сессиях, абсолютно точно. Причем и консультантов отдельно, и проектных центров отдельно, и так далее. Не говоря уже о том, что Всемирный банк может, конечно, профинансировать такое гигантское исследование социологическое. Я бы хотел сказать, что, когда Наталья Юрьевна говорила о том, что у нее по регионам есть по 3000 анкет, это все надо упорядочить. Потому что есть возможность выйти на то, чтобы построить что-то типа индекса субъектов или

рейтинга субъектов на основе такого единого договора. Спорным остается вопрос по переходу от проектов, сделанных инициативщиками или активистами в госзакупки.

Модератор: Я услышал для себя много новых вопросов. Я понимаю о том, что те активисты, с которыми мы сталкиваемся сегодня, те люди, которых мы сегодня называем чаще всего благополучателями - это особая категория людей. Это люди, которые будучи благополучателями становятся регулярными активистами в наших проектах, это, на самом деле, наша важнейшая задача. Я бы мог вам рассказать, что в результате того, что мы начали со своей колокольни смотреть на вопросы местного самоуправления, у нас очень много стало возникать совершенно сумасшедших вопросов. Я вообще не предполагал, что я на такое способен, но, когда я начал думать о том, что такое территориальное общественное самоуправление в нашей стране, я пришел для себя к совершенно неожиданному и парадоксальному выводу - о том, что мы, наверное, единственная страна в мире, которая попыталась создать законодательство, регулирующее деятельность сообществ. Поэтому ничего у нас не получается с территориальным самоуправлением, потому что мы пытаемся сообщества законодательным образом регулировать, а это те самые сообщества, которых нет в нашей стране. Они существуют де-факто, но де-юре, должны ли они существовать, это большой знак вопроса. Это тема для очень серьезной дискуссии. И эта дискуссия вытекает из наших размышлений о том, а кто такие активисты инициативного бюджетирования.

Вот на этом знаке вопроса я хотел бы закончить. У нас есть в качестве бонуса ролик, который снят одним из наших коллег по поводу Санкт-Петербурга. Если кому-то интересно, фоном могу его бы включить. Если есть желание его посмотреть, можно посмотреть. Если нет, большое спасибо за внимание. До новых встреч!